

**ОДИН РАССКАЗ С КОММЕНТАРИЯМИ
ИЗ МАЛАЙСКОЙ РУКОПИСИ СУЛАЛАТ-УС-САЛАТИН**

- ✳ Публикуя небольшой отрывок из моей работы, посвященной исследованию, переводу и комментариям рукописи самого знаменитого произведения малайского средневековья *Сулалат-ус-салатин* или *Седжарах Мелаю*, которая была привезена в Россию в 1798 г. великим российским мореплавателем Иваном Федоровичем Крузенштерном, я хотела бы выразить свою особую благодарность и признательность Александру Михайловичу Решетову. Он очень внимательно прочитал всю работу, сделал много важных замечаний, особенно касающихся сюжетов, связанных с отношениями Малайи и Китая в древности и средневековье, которые я постаралась учесть и, надеюсь, тем самым улучшить свой текст.

Здесь представлен перевод одного из тридцати четырех рассказов, содержащихся в рукописи.

Следует рассказ о китайском императоре. Когда весть о величии правителя Мелаки дошла до китайской земли, то император отправил в Мелаку своего посла и преподнес в дар пилону¹, до отказа заполненную иглами, а также расшитый золотом шелк, золотую парчу и несколько диковинных вещей. Когда посол прибыл в Мелаку, то государь приказал принять от него послание и принести в торжественной процессии, как по ритуалу принимали послания от Сиамы. Когда послание прибыло в балайронг², вестник принял его, передал писарю, и тот прочитал послание. Так гласило оно: «Это послание из-под сандалий небесного императора прибыло к короне правителя Мелаки. И слышали мы, сколь велик правитель Мелаки, и поэтому мы хотим жить в дружбе и взаимной любви, ибо мы тоже происходим от потомков Искандара Зул-Карнайна³, из одного и того же рода и племени, что и правитель Мелаки. Ведь нет на этом свете императора, более великого, чем мы, и никто не знает сколько у нас народу. От каждого дома мы взяли по иголке, этими-то иглами и нагружена пилон, которое мы послали в Мелаку».

Услышав, что говорилось в послании, правитель Мелаки улыбнулся, приказал взять иглы, а пилону до отказа наполнить жареным саго⁴. И султан Мансур Шах⁵ повелел тун Перпатих Путиху —

младшему брату Падуки Раджи — быть послом на китайской земле. И тун Перпатих Путих отплыл. Пробыв некоторое время в пути, он прибыл в Китай. И китайский император приказал принять письмо из Мелаки, а вся свита остановилась в доме первого министра по имени Ли По. Когда почти рассвело, Ли По явился к китайскому императору со всеми министрами и вельможами. И вместе со всеми вошел тун Перпатих Путих, а с ним влетела огромная стая воронов. У наружных ворот Ли По и все вельможи остановились, и вороны тоже остановились. Как гром зазвучал призывный гонг, открылись ворота, вошел Ли По со всей свитой, и вороны тоже влетели. Дошли они еще до одних ворот, и снова остановились, остановились и вороны. И опять зазвучал призывной гонг, ворота открылись, и все вошли, как и прежде. И так продолжалось до седьмых ворот. Когда они подошли к внутренним покоям, уже совсем рассвело, и все уселись в балае — каждый на своем месте. А балай был длинный, в один фарсах⁶. И от того, что было много людей, все упиралось коленями друг в друга, и совсем не было свободного места. А сидели все исключительно только министры и военачальники. И вороны расправили крылья и закрыли ими всех сидящих людей. Вдруг загремел гром и засверкали молнии — одна за другой. И как тень, явился китайский император. Он был виден сквозь стекло паланкина, который был вставлен в пасть дракона. Увидев китайского императора, все склонили к земле головы в знак почтения и так и не поднимали больше своих лиц⁷. И тогда прочитали послание из Мелаки.

После того, как китайский император услышал письмо, он необычайно возрадовался. И поднесли саго к китайскому императору. И молвил китайский император тун Перпатих Путиху: «Как это они сделали?» И почтительно сказал тун Перпатих Путих: «Скачивали его, мой господин, один человек — по одному зерну. Наш правитель приказал скатать столько, чтобы сполна загрузить им пилоу. Вот наше слово о том, сколько народу у нашего правителя. Никто не знает числа его». И молвил тогда китайский император: «Велик правитель Мелаки. Поистине много у него народу, совсем не отличается он от нас. Хорошо бы его взять в зятья.» И молвил китайский император Ли По: «Если уж правитель Мелаки может приказать своему народу скатать саго в зерна, что же сказать обо мне? Я бы хотел, чтобы ты очищал рис от кожуры, а не обрушивал его». И Ли По почтительно ответил: «Хорошо, господин мой». И вот поэтому китайский император и поныне не ест обрушенный рис, ему каждый день очищают рис. А вкушает китайский император пятьдесят китайских гантангов⁸ очищенного риса, одну свинью, кувшин растопленного свиного сала.

А что касается тун Перпатих Путиха, то когда он являлся на прием, то все десять пальцев на руках его были унизаны кольцами. И если кто-нибудь из китайских министров заглядывался на кольцо, то тун Перпатих Путих снимал кольцо и отдавал ему. А если кто-нибудь еще засматривался на кольцо, то он и тому отдавал. И так было все время.

И однажды тун Перпатих Путих явился на прием. И молвил китайский император: «Что люди Мелаки любят есть?». И тун Перпатих Путих почтительно ответил: «Господин мой, мы, малайцы, ничтожные рабы ваши, любим есть *канкунг*⁹, но не резаный, а расщепленный во всю длину». И китайский император повелел приготовить канкунг так, как сказал тун Перпатих Путих. Когда канкунг был приготовлен, его поставили перед тун Перпатих Путихом, и все люди Мелаки начали есть, подцепив канкунг за кончики и отправляя их в рот, глядя прямо перед собой. И тогда тун Перпатих Путих и все люди Мелаки ясно увидели лицо китайского императора¹⁰. А китайцы, увидев такое, сделали то же самое. Поэтому в Китае и сейчас любят есть канкунг.

И вот настал сезон возвращаться домой. Прошло несколько дней, и тун Перпатих Путих испросил позволения отплыть обратно. И китайский император подумал в душе: «Хорошо бы мне взять в зятя правителя Мелаки, чтобы он приходил на поклон ко мне». И молвил китайский император тун Перпатиху Путиху: «Прикажи явиться сюда ко мне моему сыну — правителю Мелаки, чтобы я поженил его с моей дочерью — принцессой ханг Ли По». И почтительно сказал тун Перпатих Путих: «Господин мой, досточтимый сын ваш, правитель Мелаки, не может оставить свою страну, потому что государство Мелака окружено врагами. Если же господин мой захочет послать что-нибудь в дар досточтимому сыну, то ваш ничтожный раб возьмет его с собой. И — слава всевышнему Аллаху — дар благополучно прибудет в Мелаку». И китайский император приказал Ли По снарядить сто пилу, чтобы сопровождать в Мелаку императорскую дочь, а предводителем назначил великого министра по имени Ди По. Когда снаряжение было готово, китайский император выбрал пятьсот дочерей министров, прекрасных лицом и сделал их прислужницами своей досточтимой дочери. После этого принцессу ханг Ли По и письмо торжественно препроводили к перау. И тун Перпатих Путих вместе с Ди По и принцессой — дочерью китайского императора — отплыли в Мелаку. Пробыв некоторое время в пути, они достигли Мелаки. И султану Мансур Шаху с почтением было доложено, что прибыл тун Перпатих Путих и что он привез с собой китайскую принцессу. И государь необычайно обрадовался, услышав это. И государь сам отправился торжественно встречать к острову Се-

бат. Встретив, государь выказал им тысячу почестей и высокое уважение и торжественно повел их во дворец. И султан Мансур Шах поразился красоте госпожи принцессы, дочери китайского императора. И государь принял принцессу ханг Ли По и повелел принять мусульманство. После того, как принцесса ханг Ли По стала мусульманкой, султан Мансур Шах женился на ней. И у них родился сын, которого государь назвал Падука Мимат. А у него родился сын Падука сери Чина, отец Падуки Ахмада, который стал отцом Падуки Исапа. И всем пяти сотням дочерям китайских министров повелел государь принять ислам и приказал им жить на Букит Чина. И сейчас еще этот холм называется Букит Чина.¹¹ Они-то и вырыли колодец¹² на Букит Чина, и потомки их называются китайскими бидуандами.¹³ А султан Мансур Шах дал одежду Ди По и всем министрам, которые привезли ему дочь китайского императора.

И вот наступил сезон возвращаться домой, и Ди По испросил позволения у государя плыть обратно. И государь повелел тун Теланая и министру Джана Путере быть послами на китайской земле. И только тогда султан Мансур Шах послал почтительный поклон китайскому императору, потому что он стал государевым зятем. И тун Теланай отплыл на китайскую землю. И по воле всевышнего Аллаха поднялся сильный ветер, и тун Теланая отнесло к Берунаю¹⁴. Когда об этом услышал почтенный князь Беруная, государь приказал позвать его к себе. И тун Теланай вместе с министром Джана Путерой явились к правителю Беруная. И сказал правитель Беруная министру Джана Путере: «Как звучит письмо правителя Мелаки к китайскому императору?». И тун Теланай с почтением сказал: «Почтительный поклон от меня, правителя Мелаки, досточтимому отцу — императору Китая». И сказал правитель Беруная: «Так правитель Мелаки шлет почтительный поклон китайскому императору?» .

И тун Теланай промолчал. А министр Джана Путера повернулся, предстал перед правителем и сказал: «Мой господин, не досточтимый отец наш шлет поклон китайскому императору. Ведь *saxaiya* означает на малайском языке *слуга*, и так стоит: “Поклон от слуг правителя Мелаки”, то есть “все смиренные рабы шлют почтительный поклон, а не досточтимый отец наш”¹⁵. И услышав такую речь министра Джана Путеры, правитель Беруная промолчал.

Когда настало время возвращаться домой, тун Теланай и министр Джана Путера испросили позволения у почтенного князя Беруная вернуться в Мелаку. И правитель Беруная послал в Мелаку письмо, так звучало оно: «Высокочтимый сын почтительно склоняется к пыли ног высокочтимого отца». И после этого тун Теланай вместе с министром Джана Путерой отплыл в Мелаку¹⁶.

Когда они прибыли в Мелаку, то обо всем рассказали султану Мансур Шаху и торжественно поднесли письмо от князя Беруна. И государь необычайно возрадовался, услышав его, и осыпал дарами тун Теланая и министра Джана Путеру, и похвалил министра Джана Путеру.

А тем временем на китайскую землю прибыл Ди По со всеми министрами, которые сопровождали принцессу ханг Ли По. И письмо от правителя Мелаки поднесли ко дворцу и первому советнику приказали прочитать его. Когда китайский император услышал, что говорится в письме, он необычайно обрадовался, что правитель Мелаки шлет ему почтительный поклон. А через два дня китайский император почувствовал зуд по всему телу, который превратился в чесотку. И китайский император приказал позвать лекаря и попросил лекарство. И лекарь дал ему лекарство, но ничего не помогало. И пришло несколько сот лекарей, но ни один не смог вылечить императора. И тогда пришел один старый лекарь и почтительно изрек: «Сиятельный господин мой, эта болезнь — короста, никакое лекарство не поможет, потому что есть причины, ее вызвавшие». И молвил китайский император: «Что за причина моей болезни?». И лекарь ответил с почтением: «Это проклятие, которое правитель Мелаки передал с почтительным поклоном. Если господин мой не выпьет воду, в которой омыл ноги правитель Мелаки, и не омоет этой водой лицо, то вы не излечитесь от болезни». Услышав такую почтительную речь, китайский император повелел отправить в Мелаку посла для того, чтобы попросить воду, в которой омыл ноги правитель Мелаки. Когда все было готово, посол отплыл в Мелаку. Пробыв некоторое время в пути, он прибыл в Мелаку. И султану Мансур Шаху с почтением доложили: «Прибыл посол от китайского императора, просит воду, в которой омыл ноги высокочтимый властитель». И султан Мансур Шах в сопровождении людей вышел в балайронг, и туда торжественно поднесли послание от китайского императора. и писарю было приказано прочитать его. Узнав, что говорится в письме, султан Мансур Шах дал воду, в которой он омыл ноги. И ответил на письмо и одарил одеждой китайского посла. И письмо и воду торжественной процессией понесли к перау. И китайский посол отправился в обратный путь.

Пробыв некоторое время в пути, он прибыл на китайскую землю. А письмо и воду внесли во внутренние покои. И китайский император попил воду от омовения ног государя и вымылся ею. И в тот же миг короста с тела китайского императора исчезла, и император выздоровел¹⁷. И китайский император поклялся никогда не принимать почтительного поклона от правителя Мелаки и [повелел], чтобы потомки его тоже не принимали поклоны от потомков

правителя Мелаки. И несмотря на это, они пребывали в согласии и любви друг с другом.

И Аллах укажет на благоразумие, у него — наше прибежище и к нему возвращаемся.

* * *

1. Пилоу — вид судна.

2. Балайронг — терраса на сваях для приема гостей и отдыха. Во дворце — зал для приемов, расположенный обычно у передней стороны здания. Иногда балайронг строится как отдельное здание, предназначенное для больших приемов. В балайронге находится трон правителя. Трон — *singgasana* (санскр.) — представлял собой возвышение, покрытое царской циновкой, длиной 8–9 футов, шириной 5–6 футов (Wilkinson R.J. *A Malay-English Dictionary*. Mitelene. 1935. П. Р. 421).

3. Искандар Зул-Карнайн (Двурогий) — Александр Македонский. Роман об Александре Македонском распространился по всему миру через греко-арабские, сирийские, еврейские и иранские источники. Роман достиг Малайи и Индонезии в конце XIV — начале XV в. вместе с распространением мусульманства из персо-арабских и индо-персидских источников. Свои родословные к Александру Македонскому возводили создатели других малайских хроник — *Повести о Банджаре*, *Бустан-ас-салатин*, *Родословной Перака*. Потомками Искандара Зул-Карнайна считали себя народы юго-западной и северной Суматры — минангкабау, аче.

4. Саго — крупа из сердцевины ствола саговой пальмы *Metroxylon Rumphii* Mart. Встречается по всему Малайскому архипелагу, но является основной хозяйственной культурой Молуккских островов и зап. части Новой Гвинеи (Западного Ириана). Сердцевина саговой пальмы съедобна до ее цветения, т.е. в конце срока созревания пальмы (8–12 лет). Подробно о значении саго с историко-культурной точки зрения, способах добычания и промывки саго для получения крахмала и приготовления еды из него см.: Членов М.А. *Население Молуккских островов*. М., 1976. С. 40–41, 64–67.

5. Мансур Шах — Мансур Шах (раджа Абдуллах) — малаккский султан (1459–1477). В первый год своего правления он направил посольство в Китай. При этом султаны были сделаны основные завоевания Малаккского султаната, при нем султанат приобрел те границы, которые удерживал вплоть до завоевания его португальцами в 1511 г.

6. Фарсах (<араб.) мера длины — 6–7 км.

7. Эпизод о посольстве в Китай во главе с лаксаманой ханг Туахом имееется и в «Повести о ханг Туахе»: китайский император сидел в пасти золотого дракона и никто не смел подымать глаз на него и разглядеть его лицо (Парникель Б.Б. *Повесть о ханг Туахе*. / Пер. с малайск., предисл., коммент. М., 1984. С. 281). Томе Пиреш, прибывший в Малакку через год после захвата ее португальцами, т.е. в 1512 г., и проживший в ней четыре года, отмечал, что когда послы являются к императору, они не видят ничего, кроме смутных очертаний его фигуры за занавесом (Цит. по: Парникель Б.Б. *Повесть о ханг Туахе*. / Пер. с малайск., предисл., коммент. М., 1984 С. 384).

8. Гантанг — мера объема сыпучих веществ, обычно риса, и сосуды для наполнения ими. Мера варьирует в разных областях, в среднем ок. 3,12–4 л. Сосуды изготовляют из бронзы, дерева, скорлупы кокосового ореха (Rentse A. Gantang of Kelantan // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. V. XI. Pt. 2. P. 242–244).

9. Канкунг — растение *ипомея ползучая*, водяной вьюнок *Ipomoea reptans*. В пищу употребляется как зелень типа шпината.

10. Тот же сюжет имеется в «Повести о ханг Туахе»: чтобы увидеть лицо китайского императора ханг Туах во время трапезы прибегнул к уловке, подцепив канкунг золотой ложкой и отправляя его в рот, запрокинув голову. Уловка не удалась, и ханг Туах едва не поплатился за нее жизнью (Парникель Б.Б. Повесть о ханг Туахе / Пер. с малайск., предисл., коммент. М., 1984. С. 281–282).

11. Букит Чина — Китайский холм — комплекс из пяти возвышенностей, находящийся внутри Малаккского порта. С этим местом связаны ранние китайские поселения на Малаккском полуострове (Ensiklopedia sejarah dan kebudayaan. Jil.I. Kuala Lumpur, 1994. Н. 503). На нем находится сейчас старое китайское кладбище — одно из самых больших за пределами Китая: площадь 25 гектаров с 12 тыс. захоронений, среди которых много могил, относящихся ко времени минской династии. Считается, что Китайский холм посетил адмирал Чжэн Хэ в 1459 г. Позже адмирал выдал свою дочь принцессу Ли По замуж за султана Мансур Шаха, который отдал это место пятистам молодым женщинам из свиты принцессы в качестве резиденции (Melaka. Map and Guide. 1986).

Потомки от браков китайских переселенцев XV–XVI вв. в Малакку, прежде всего из Фуцзяни, с малайскими женщинами образовали особую этнографическую группу, называемую *баба* или *перанакан* (мал. *reganakan* — метис). Численность в настоящее время — пять тысяч человек. Живут, кроме Малакки, в Сингапуре, на острове Пенанг, в Индонезии. Они переняли повседневную одежду, еду, образ жизни малайцев, но сохранили религиозные представления китайцев и некоторые ритуалы, в частности свадебный, в котором жених и невесты облачаются в костюмы Китая императорской эпохи. Занимаются мелкой торговлей, ремеслами, особенно резьбой по дереву. Говорят на малайском языке с заметным китайским (фуцзяньским) влиянием. Баба-малайский язык классифицируется как креольский на малайской основе и в настоящее время в современной Малайзии и Сингапуре сохраняется в рудиментарной форме как устный язык, в том числе и в театральных пьесах, подвергаясь сильному процессу декреолизации (Дорофеева Т.В. Малайско-креольские языки Малайзии // Вестник Московского университета. 1990. Сер. 13. Востоковедение. № 1; она же. История письменного малайского языка (VII — нач. XX веков). М., 2001. С. 225–227; Ensiklopedia sejarah dan kebudayaan. Jil.I. Kuala Lumpur. 1994. С. 369–371). В культурной баба-малайской среде родились свои формы устного творчества — *пантуну* с ярко выраженной городскими мотивами, драматические и музыкальные жанры *бангсаван* и *донданг-сянг* (Неверман Г. Голос буйвола. Малайские (индонезийские) народные песни. М., 1961. 179–187; Дорофеева Т.В. История письменного малайского языка (VII — нач. XX веков). М. 2001. С. 225). В конце XIX — нач. XX в. наблюдался подъем в развитии прессы и литературы на баба-малайском и вообще на китайско-малайском языке, в том числе и в

жанре путешествий на свою родину — Китай — с размышлениями о своем историческом прошлом (Сикорский В.В. О так называемой китайско-индонезийской литературе // Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982. С. 92–117; Lombard-Salmon Cl. Lombard-Salmon Cl. Kesusasteraan Melayu Rumi orang-orang Cina di Malaysia: satu kajian awal // Dewan bahasa. 1978. December; Salmon Cl. Sur les traces de la diaspora des Baba des detrots: di Qinghui et son recit sommaire d'une voyge vers l'Est (1889) // Archipel. 1998. № 56). В современной Малайзии в отличие от Индонезии *баба* не признаются особой этнографической группой и причисляются к китайской этнической общности.

12. В современной Малакке у подножия Китайского холма имеется колодец *ханг Ли По* с очень чистой водой. Это одна из достопримечательностей Малаккы. Считается, что он был вырыт в 1409 г. людьми, сопровождавшими принцессу Ли По. Он был когда-то главным источником питьевой воды. Существует поверье, что бросивший в колодец монету возвратится в Малакку (Melaka. Map and Guide. Melaka, 1986).

13. Бидуанда — слуги правителя.

14. Берунай (мал. *berunai*) — Бруней, расположенный на северо-восточном берегу Борнео (Калимантана). Название государства происходит от названия деревьев и кустарников из семейства молочайных рода *Antidesma* (Кулланда С.В. История древней Явы. М., 1992. С. 91–92, 151; Бандиленко Г.Г. Атрибуты власти и монархическая концепция: К вопросу о регалиях и ритуализированных действиях как фигурантах политической истории средневековой Нусантары // Малайско-индонезийские исследования. 1999. Вып. XII. М., 1999 С. 14–17; Сирк Ю.Х. Название Борнео с точки зрения австронезийской лингвистики // Малайско-индонезийские исследования. Вып. XIII–XIV. М., 2001. С. 15).

15. В письме было написано: *Sembah sahaya raja Melaka datang kepada raduka ayahanda raja Cina*. Толковать его можно было двояко, т.к. слово *sahaya* означает «я» и «слуга».

16. С древнейших времен Бруней поддерживал связи с Китаем. Со времен завоеваний Хубилай-хана в Брунее осталась большая китайская колония (Bastin J., Winks R.W. (Comp.) Malaysia. Kuala Lumpur, 1966. P. 14–16). До принятия мусульманства Брунейское княжество подчинялось Маджапахиту (Pigeaud Th.-G. Java in the 14th Century. A Study in cultural History. The Nagara-Kertagama by Rakawi Prapassa of Majarahit 1365 A.D. V. III. The Hague. 1961. P. 16), хотя и экспортировало в Малакку изумруды, золото, рис. После принятия мусульманства продолжало вести торговлю с Малаккой, экспортируя камфару, смолу от разных пород деревьев, продовольствие и золото в обмен на товары и бусы из Бенгалии и Коромандельского побережья Индии (Wang Gungwu (ed.) Malaysia. A Survey. L., 1964. P. 115). В письменной традиции первым правителем, принявшим мусульманство в 1368 г., считается Аванг Алак Бетатар, известный под именем султан Мухаммад Шах (1363–1402) (Sweeney Amin P.L. (Ed.) Silsilah raja-raja Brunei // Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society. 1968. V. XLI. Pt. 2. P. 51). В устной традиции Аванг Алак Бетатар считается относящимся к роду потомков правителя Пагар Руюнга, т.е. минангкабау или Искандара Зул-Карнайна (Ensiklopedia sejarah dan kebudayaan. Jil.I. Kuala Lumpur. 1994. H. 298).

В начале XVI в. Брунейское княжество значительно превышало территорию современного Брунея. В него входили области от Куала Самбаса на юге до Сандакана на севере, от острова Сибатика на востоке до группы островов Сулу на западе (Hughes-Hullet, 1940, 25). Вассалами Брунейского княжества были султанаты Самбас, Котарингин, Понтианак, Берау, Тули-тули, Банджар Болонган, а так же острова Сулу, Балабас, Баламбанган, Мантанани и юго-западная часть Палавана. Брунейские традиции не упоминают о подчинении или выражении покорности брунейского правителя малаккскому султану, также как и о браках между членами царствующих семей обоих государств (об этом говорится в рассказе 26). Брунейские родословные выявляют тесные брачные связи с членами джохорского двора — наследником малаккских традиций. До недавнего времени принцы Брунея считали себя потомками джохорских принцев (Hughes-Hullet H.R. A Sketch of the History of Brunei // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1940. V. XVIII. Pt. 2. P. 25–26).

17. Сохранившееся в эпоху господства ислама представление о сверхъестественных способностях правителя, восходящее к древним представлениям о правителе, наделенном колдовскими и шаманскими способностями. Он обладал способностью насыщать болезнь и излечивать от нее, управлять силами природы и влиять на рост урожая. Не лишен был султан и шаманских свойств и функций. Регалии султана и атрибуты шамана назывались одинаково — *кебесаран*, и отношение к ним было одинаковое: княжеский барабан считался столь же священным, как шаманский бубен. Если бубен не передать по наследству, то он, по малайским представлениям, начнет причинять зло, а если наступить на княжеский барабан, то это может вызвать преждевременную смерть. В конце XIX в. в Малайе можно было наблюдать камлание, в котором принимал участие султан. Внешний вид и атрибуты у него были такие же, как у обычного малайского шамана — *паванга*: на голове покрывало, спускающееся на лицо и закрывающее его, в руках — сосуды с водой и благовониями, пучки трав. Находясь в состоянии неподвижности, он мысленно копировал действия паванга и как бы вселял в себя духов-хранителей государства. В данном случае можно говорить об имитации камлания султаном. Однако в 1874 г. султан княжества Перак Абдуллах сам совершал камлание, вселяя в себя постепенно девять духов-помощников и защитников государства (Skeat W.W. Malay Magic being an Introduction to the Folklore and popular Religion of the Malay Peninsula. L., 1900. P. 36, 448; Wilkinson R.J. Some Malay Studies // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. 1932. V. X. Pt. 1. P. 95–96; Winstedt R.O. The Malay Magician being Shaman, Saiva and Sufi. L., 1951. P. 10; Ревуненкова Е.В. Шаман-султан в средневековой Малайе // «Избранники духов» — «Избравшие духов» // Традиционное шаманство и нешаманизм. М., 1999. С. 115–122).